

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ И ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ "РУССКОГО ХОЗЯИНА" В ТРАКТОВКЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

©2008 О.А.Смирнова

Оренбургский филиал Уфимского юридического института МВД России

В статье рассматривается сущность такого социального феномена, который в XIX – начале XX в. был обозначен отечественными мыслителями понятием "русский хозяин". Автор показывает, что это понятие, будучи несовместимым с понятием "предприниматель", вообрало в себя национальные представления о должной стратегии поведения человека в экономической сфере, общие контуры которой в российской общественной мысли сложились не в результате априорных раздумий, а в итоге скрупулезного анализа реальной практики торгово-промышленной деятельности.

Любая нация, являясь целостной самовоспроизводящейся системой, характеризуется разнообразными видами социальных взаимодействий, среди которых особо выделяется хозяйственная практика, нацеленная на создание необходимых средств жизнеобеспечения этноса. Несмотря на то, что стремление к освоению окружающей среды и удовлетворению витальных потребностей по существу одинаковые у всех этнических групп, каждая их реализует по-своему. Эти своеобразия, так или иначе проявляясь на всех этапах развития истории конкретного народа, составляют традиционные элементы его хозяйственной культуры. В России эта проблема стала предметом самостоятельного осмысления со второй половины в XIX в. Именно тогда ряд отечественных мыслителей (А.Н.Бугровский, И.К.Бабст, А.И.Чупров, В.О.Ключевский, И.И.Иванюков, И.И.Янжул, А.Н.Миклашевский, С.И.Солнцев, В.В.Святловский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, П.Н.Са-вицкий и др.) в рамках социально-экономического дискурса обратились к вопросу о человеке и специфике мотивации его деятельности.

Отправным пунктом анализа проблемы стала критика политэкономических представлений о сущности и роли человека в экономике. Они считали неправомерной допускавшуюся в теоретических построениях приверженцев манчестерства подмену живой личности неким "homo economicus", который "не ест, не спит, а все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими издержками" [3, С. 344]. По их мнению, за этим упрощением упускалось из вида, что экономика,

как и общество в целом, не природная стихия, подчиненная в своем функционировании действию естественных законов, а "результат индивидуальной деятельности личностей", для которых своекорыстие – далеко не единственный мотив участия в сфере хозяйственных отношений. Экономике они рассматривали как феномен духовной жизни, имеющий призвание "сохранить, укрепить и расширить полноту функционирования и полноту развития" всего сущего, являющегося совокупностью "того живого и осязаемого целого", "той системой людей и вещей", в рамках которой человеку предоставлено действовать. В связи с этим, они считали, что в процессе изучения сферы экономических отношений, кроме черствого эгоизма и жажды прибыли их участников, важно увидеть, с одной стороны, проявление человеческого духа, воплощенного в религиозном чувстве, нравственных началах, общем понимании жизненных смыслов, а с другой – Абсолют как таковой с его далекими от материалистических установлениями [3; 4; 16].

В рамках этой методологической традиции в отечественной общественной мысли сложилось представление о том, что для России приемлемым может быть только особый, принципиально противоположный западно-капиталистическим основам экономических отношений, строй ведения хозяйства. В ходе сравнения российского хозяйственного типа с западноевропейским предпринимательским типом отечественные мыслители, подчеркивая их нетождественность, отдавали предпочтение первому. "Нет, у нас лучше!" – восклицали многие из них [7, С. 423; 16, С. 421]. Своеоб-

разным резюме всех суждений, прозвучавших по этому вопросу во второй половине XIX – начале XX в., выглядит замечание П.Н.Савицкого, который в 1925 г. писал: "Относиться к делу "по-хозяйски" и "по-предпринимательски" – это вовсе не одно и то же. <...> Предприниматель как духовная сущность – это прежде всего и только homo oeconomicus, "капиталистический человек". У него есть только одно отношение к тому целому, той системе людей и благ, каковой является руководимая им "производственная единица", – это точка зрения получения наибольшего чистого дохода... Но единственно ли такое отношение к делу возможно в хозяйстве? <...> ...таким иным... отношением к делу будет хозяйское отношение к нему" [15, С.129]. Фундаментальной чертой этого отношения провозглашалось личное или лично-творческое начало, являемое ХОЗЯИНОМ, а точнее – РУССКИМ ХОЗЯИНОМ [15, С.246 – 247; 14, С. 125].

По словам П.Н. Савицкого, понятие "хозяин", будучи исконно русским, аккумулирует в себе народное представление о должном в сфере экономических отношений, которое предполагает реализацию "хозяйского" подхода к делу, а именно, подхода, основанного на "человеческом отношении к людям, милости скотов и бережении вещей Божьего мира". Савицкий писал: "В основе понятий о хозяйском отношении лежит представление не о такой деятельности, которая направлена исключительно к получению наибольшего дохода, к "выжиманию" его в первую очередь из человека, но затем также из лошади, телеги, машины, постройки, земли, – но такой, которая, наряду с целью получения дохода, ставит как самостоятельную цель сохранение и расширение довольства работающих в хозяйстве людей", а также поддержание и повышение порядка и качества охватываемых хозяйством материальных единиц, чтобы к концу каждого экономического цикла оставить производственные мощности "в состоянии, с хозяйственной точки зрения, не худшем, а по возможности – лучшем, чем то", в котором они в него вступили. При этом хозяин убежден, что основу его благополучия составляют трудящиеся у него люди. Неслучайно, обустройство их жизни он считает своей основной задачей, реализуя которую, он стремится, с одной стороны, материально обеспечить ра-

ботников ("чтобы они были довольны своей участью"), а с другой, создать в хозяйстве благоприятную – "иррациональную по своему существу" – атмосферу межличностных отношений, на основе которой "увеличивается сила и крепость того рационального единства, каковым является (и должна являться) "производственная единица", называемая хозяйством [14, С. 219 – 231].

Эти принципы хозяйствования можно считать исконно народными. Сложившись в процессе исторического развития, они получили письменное оформление в разнообразных поучениях и наставлениях русского Средневековья (изборники, "Измарагд", "Златая чепь", "Матица", "Домострой"), составляющих сосредоточие национальной мудрости. В отличие от многих европейских аналогов, имеющих сугубо прикладную направленность, ограниченную стремлением дать практические советы в решении повседневных забот читателю-хозяину, в этих памятниках словесности экономическая деятельность рассматривается не самоценностью, а лишь одним, хотя и чрезвычайно важным, условием общественной состоятельности человека, способом выполнения им нравственного долга перед Богом и людьми. Вот только некоторые из наставлений этого ряда: "Аще бо земные убегаите страды, небесных не узрите благ", "никто без труда не венчан", "трудитесь, делайте не яко рукоделию и мамоне, но яко Богу" [8, С. 7, 108; 10, С. 125].

Анализ учительной литературы позволяет составить представление о социальном портрете русского хозяина, сложившегося в обществе в XVI-XVII вв. О нем судили как о владельце, властном распорядителе, управителе в доме и семье, которому, говоря словами "Домостроя", надлежало "за всем приглядеть и самому размыслить" [8, С. 95, 138]. Хозяину вменялось в обязанности знать всякое дело в хозяйстве, уметь его самостоятельно выполнить и обучить этому слуг и работников. Кроме того, предъявлялось требование не обижать своих служащих в оплате труда, "кормить как себя", а также "во всем остальном удоволить", регулярно справляясь "об одежде, обо всем необходимом, о всяких их скудости и недостатке, об обиде, о болезни, о всех тех нуждах, в которых можно помочь ради Бога" как своим детям и близким. Однако в качестве основного

давался наказ заботиться о духовном здравии работников. Подчеркивалось, что у хорошего хозяина люди должны быть прежде всего научены страху Божьему, т.к. в день Страшного суда ему самому придется держать ответ перед Богом за души вверенных ему людей и от того, как он радел об их спасении, будет зависеть характер его посмертного существования [8, С. 114 – 119].

Представленный домостроевской традицией образ русского хозяина сохранял свою привлекательность вплоть до начала XX в. Он признавался социальным эталоном как самими хозяевами, так и представителями общест-венности. Если первые избирали его в качестве образца для подражания, то вторые через его призму оценивали деятельность отдельных хозяйствующих субъектов, характеризуя ее либо должной, если она шла в русле патриархальных устоев, либо недолжной, если она им противоречила.

Следуя домостроевской традиции, русский хозяин стремился быть не только работода-телем, но и наставником для своих работни-ков, организатором их повседневной жизни ("а люди бы у тебя пребывали в уважении и в страхе, всегда под присмотром" [8, С. 118]). Факт зависимости общественного авторитета торгового-промышленного заведения от харак-тера отношения хозяина к работникам под-тверждали сами представители делового мира. Они подчеркивали, что те фирмы, в которых "служащие из-за плохого к ним обращения часто сменялись", уважением не пользовались, получая презрительное название "проходной двор", в то время как предприятия, владельцы которых имели возможность сказать: "От нас уходят только, когда помирают", имели обще-ственное признание [5, С. 115; 13, С. 145]. В связи с этим, думается, показателен характер информации, включавшейся в "представитель-ские материалы" – монографические исследо-вания истории отдельных фирм и торгового-промышленных династий, биографии лидеров делового мира, альбомы, рекламные буклеты и т.п. издания. Создаваемые в целях привлече-ния внимания к конкретной фирме, они со-держали те сведения, которые были способны сформировать в обществе, учитывая особен-ности его духовных и социально-психологических предпочтений, позитивный

образ конкретного торгового-промышленного заведения.

Порицая барышничество, дялчество, мироедство и постоянно утверждая, что "не о хлебе едином жив бывает человек", русское общество на протяжении всего XIX в. было поглощено поиском "положительно-прекрас-ного лица" в экономике. Наиболее рельефно эти искания представлены в художественной литературе. Являясь одной из форм выражения общественных настроений, она была буквально пронизана ожиданием хозяина. Н.В.Гоголь, И.А.Гончаров, Л.Н.Толстой, Д.Н.Мамин-Си-биряк, П.Н.Мельников-Печерский, М.Е.Салты-ков-Щедрин, П.Д.Боборыкин, А.П.Чехов, А.М.Горький, И.С.Шмелев пытались устано-вить черты "личностного образца" русского хо-зяина, в котором соединились бы трудолюбие, воля, практичность, деловитость с привержен-ностью к традиционным устоям русской жизни. Отступление от последних в глазах общественности нейтрализовывало первую группу качеств (как бы широко они ни были представлены) и превращало персонаж в фи-гуру малопривлекательную, фактически при-ближенную к антигерою. Не случайно деловая рассудочность (Костанжогло у Гоголя, Адуев и Штольц у Гончарова), несмотря на стратеги-ческую эффективность, в глазах российских мыслителей не считалась достойной имени Человека. Не таким, по их мнению, должен быть "русский хозяин".

Анализ художественных и публицисти-ческих произведений, показывает, что отече-ственные мыслители в "крепких хозяевах", ли-дерах в экономике видели людей, относящих-ся к особому типу личностей, обладающих твердым характером, выдающимся самообла-данием, аскетизмом, развитым нравственным чувством и принципиально отличающихся как от представителей хищнического капитализма с их своекорыстием, так и от разгульных купе-ческих "сынков", проматывающих отцовские средства [3, С. 354]. В то же время, в этих на-турах – "живителях местностей" – общество ценило не столько их личные достоинства, сколько ту социальную миссию, которую они выполняли, привлекая к своему делу тех, кто не был одарен "деятельностным" даром, в ком не было смелой предприимчивости, практиче-ских умений и сметки [12, С. 360 – 362].

Наиболее удачная аккумуляция общественного видения сущностных черт личности русского хозяина была осуществлена Боборыкиным в образе главного героя романа "Василий Теркин" (1892) – колоритной личности поволжского купца крестьянского происхождения Василия Ивановича Теркина. По замыслу автора, свои купеческие дела он вел по законам правды и ни под каким видом не пускался в "делеческие комбинации", стремясь не столько наполнить "кубышку", сколько послужить родине, решить задачи общенационального значения, в ряду которых главной считал ограждение Волги, ее водных и лесных ресурсов от разграбления дельцами-авантюристами, не ведающими ни о чем кроме барыша и готовыми погубить бездумными вырубками природные богатства "великой русской реки". Скупая лесные угодья в Поволжье, он планировал развернуть широкую природоохранную деятельность ("учредить "заказники", заняться... системой правильного лесонасаждения") и тем самым реализовать свою "миссию", выполнить свое главное призвание – быть человеком, который "блюдет свою совесть", живет по-божески и предан своему народу, делаясь с ним "знанием, идеями, трудом, сердечной лаской" [1].

Идея общественного служения была одной из фундаментальных в представлениях российского общества об облике хозяйствующего человека. Она отчетливо прослеживалась уже в XVIII в., когда авторы разнообразных трактатов на экономические темы отмечали, что результатом любой хозяйственной деятельности должно быть не только личное обогащение, но и "общая польза" [17, С. 6]. Эти идеи не утратили актуальности вплоть до начала XX в. Не случайно представители российской общественности, размышляя о хозяйствующем человеке, отмечали, что не в экономике должен он утверждать "предельные ценности" своего существования, а прозревать их в сверхличностных задачах, связанных с идеей "святого долга перед Богом и Россией" [15, С. 233].

Подобного рода общественные суждения были в полной мере созвучны с жизненным выбором и поведенческой стратегией многих представителей делового мира дореволюционной России, особенно выходцев из крестьянства. Различные источники – воспоминания, семейные хроники, дневники и др. – свидетель-

ствуют, что эта генерация людей самостоятельными хозяевами была благодаря наличию комплекса особых личностных качеств, в ряду которых наиболее значимыми считались следующие: энергичность, умение быстро оценить коммерческую обстановку, смелость в принятии деловых решений, склонность к интуитивным действиям (например, при подборе кадров), выдержка, хладнокровие, неприхотливость в личных потребностях, методичность и целенаправленность в действиях, а также трезвость, трудолюбие, следование "здравому смыслу", способность к точному и быстрому устному счету, честность, бережливость, личная воздержанность, религиозная настроенность [11, Т. 3, С.64; 18, С. 17, 37]. Отличаясь крепостью характера и православным мировидением, в своей хозяйственной деятельности они руководствовались несколькими фундаментальными принципами, которые в совокупности очерчивали контуры должной модели поведения хозяйствующего человека.

Во-первых, ориентация на производство, а не посредничество. Со слов самих представителей деловых кругов, стремление к "внутренней правде" подсказывало, что добросовестность и честность "очень трудно совместить с профессией базарного торговца" и что истинное дело, а именно то, которое способно оправдать и сделать достойным существование человека, может быть связано только с "созданием материальных средств" [18, С.5, 13, 35; 13, С. 149, 164; 14, С. 126].

Во-вторых, единение с действительностью на основе онтологической причастности человека природным и родовым началам, предполагающее встраивание в окружающую среду, а не переделывание ее. Природа, будучи кормилицей, играла определяющую роль в выборе форм и способов хозяйственной деятельности, а чувство Рода возлагало колоссальную ответственность по усвоению и передачи традиции поддержания связи времен и поколений. Ощущение родового начала, кроме переживаний родственной связи, включало и обостренное чувство Родины, воплощавшегося в идее "была бы жива Россия" и было бы сильным Государство как необходимое условие ее процветания [11, Т. 1, С. 50; 11. Т. 3, С. 157].

В-третьих, исключительная поглощенность Делом, постановка его на первое место в ряду жизненных задач. Так, например,

Н.П.Вишняков – один из владельцев московской золотоволоочильной фабрики – сообщал, что его отец "любил труд, как все истинно деловые люди, не только ради необходимости и материальной выгоды, но и ради привычки к делу" [6, С. 71]. А В.А.Малинин, повествуя о жизни своего деда – основателя льнообрабатывающего производства в деревне Лукново Владимирской губернии, подчеркивал: "Я не помню у него иных интересов, кроме деловых", "Дело захватывало его, держало всю жизнь" и эту страсть он сумел передать молодым представителям рода, для которых высшее наслаждение было "не в сладких яствах и питиях, не в роскоши и покое, а в хозяйственном творчестве" [18, С. 19, 35]. На последний факт обращал внимание и М.Г.Пашенин, отмечая, что для "значительной части предпринимательской молодежи начала 20-го века Дело было не менее важной стороной жизни, чем дела сердечные, интимные, сексуальные", все свои усилия она направляла на развитие семейных промыслов и тем самым реализовывала ощущение своей причастности к природно-родовому целому [11, Т. 2, С. 126, 139].

В-четвертых, стремление видеть в хозяйствовании, в Деле более широкие, выходящие за его непосредственные рамки, цели, а именно, связанные с идеей служения обществу и Богу: чтобы "не единственно для себя, но отечеству... быть... способным", "чтобы нажитое от общества вернулось... к обществу (народу) в каких-то полезных учреждениях", чтобы в своей деятельности видеть не столько источник наживы, сколько "миссию, возложенную Богом" [2, С. 268; 5, С. 113]. Считалось, что любые дела, особенно в коммерческой сфере, если не освещены светом разума и не согреты сердечным теплом "могут надолго приковать человека к низинам материального прозябания", закрыв ему путь к "жизни по правде", которая, с православной точки зрения, составляла единственную абсолютную ценность. Только "служение общественному идеалу" было способно наполнить хозяйственную деятельность смыслом и сделать ее оправданной перед Богом и людьми.

Таким образом, как широкие круги общественности, так и практики-хозяйственники находились в состоянии поиска социально приемлемой для русского этноса модели поведения человека в экономике. Анализ их

суждений показывает, что этически оправданным считалась только такая хозяйственная система, которой были чужды психология наживы и экономический индивидуализм с его центральным принципом подавления слабого. Общественным идеалом, говоря словами В.В.Зеньковского, было "праведное хозяйствование" [9, С. 228], в котором действовал человек, одновременно выступавший хозяином-управленцем и первым работником среди своих служащих, основным мотивом деятельности которого был труд во имя Бога и на благо общества. В хозяйствовании им виделось не что иное, как основная форма присутствия человека в мире, через которую он способен не только обеспечить материальное благосостояние для себя и своих близких, но и, с одной стороны, раскрыть жизненные смыслы, выходящие за пределы предметного бытия, а с другой – привести одухотворение и нравственное содержание в окружающую его природно-социальную среду в целях ее облагораживания и возвышая. По их мнению, именно в этом состояла сущность и призвание хозяйствующего человека в России, а именно, того, кто именовался РУССКИМ ХОЗЯИНОМ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Боборыкин П.Д.* Василий Теркин // Боборыкин П.Д. Сочинения: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1993. Т. 3.
2. *Боткина А.П.* Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. – М.: Искусство, 1995.
3. *Булгаков С.Н.* Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С.Н. Избранные статьи: в 2 т. – М.: Наука, 1993. Т. 2.
4. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. – М.: Наука, 1993. Т. 1.
5. *Бурыйшкін П.А.* Москва купеческая. – М.: Высшая школа, 1991.
6. *Вишняков Н.П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых: в 3 ч. – М.: Б.и., 1913. Ч.2.
7. *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Сочинения: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1956. Т. 3.
8. Домострой. Русский семейный устав. – М.: Эксмо, 2005.
9. *Зеньковский В.В.* Н.В.Гоголь // Русские мыслители и Европа / Сост. П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1997.
10. *Найденова Л.П.* Мир русского человека XVI – XVII вв. (по Домострою и памятникам права). – М.: Издво Московского Сретенского монастыря, 2003.
11. *Пашенин М.Г., Пашенин М.Г.* Хроника жизни крестьянского рода Пашениных: в 3 т. – М.: Эпикон, 1997.

12. *Розанов В.В.* Революционная обломовка // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. – М.: Республика, 1992.
13. *Рябушинский В.П.* Купечество московское // Старообрядчество и русское религиозное чувство. – М. – Иерусалим: Мосты, 1994.
14. *Рябушинский В.П.* Судьбы русского хозяина // Старообрядчество и русское религиозное чувство. – М. – Иерусалим: Мосты, 1994.
15. *Савицкий П.Н.* Хозяин и хозяйство // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997.
16. *Успенский Г.И.* Большая совесть // Успенский Г.И. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1988. Т.1.
17. *Фомин А.* Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках // Новые ежемесячные сочинения. 1788. Ч. XXIV.
18. Хроника семьи Малининых из Лукново / повест. от лица Василия Алексеевича Малинина (Хранится в семейном архиве Пашениных. – О.С.).

THE SOCIAL PORTRAIT AND THE PECULIARITIES OF BUSINESS ACTIVITY MOTIVATION OF "THE RUSSIAN MASTER" IN THE INTERPRETATION OF RUSSIAN THINKERS OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

© 2008 A.O.Smirnova

Orenburg Branch of Ufa Law Institute, Ministry of Home Affairs of Russia

In the article the essence of a social phenomenon, which in the XIX – early XX centuries was labelled by Russian thinkers "the Russian master". The author points out that this notion, being incompatible with the notion "employer", absorbed national ideas about proper behavior strategy in the sphere of economy, which general outline formed in the Russian public thought not as a mere speculation, but as a result of a scrupulous analysis of the real practice of economical activity.